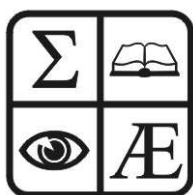

KOMUNIKACJA SPECJALISTYCZNA

TOM 13.

Warszawa 2017

RECENZENCI	- PROF. DR HAB. ELŻBIETA TABAKOWSKA-MUSKAT PROF. DR HAB. EWA WOLNICZ-PAWŁOWSKA DR HAB. ROMAN HAJCZUK DR HAB. LUBA BIESIEKIRSKA DR HAB. GRAŻYNA MAŃKOWSKA DR MAREK ŁUKASIK DR ADAM SZYNAL
REDAKTOR NACZELNY	- DR ŁUKASZ KARPIŃSKI
SEKRETARZ REDAKCJI	- MGR WOJCIECH DRAJERCZAK
RADA PROGRAMOWA	- PROF. DR HAB. BARBARA Z. KIELAR - PROF. DR HAB. ŁARISA I. KORNIJEWA (JEKATERYNBURG) - PROF. DR HAB. JURIJ LUKSZYN - PROF. DR HAB. ZENON WEIGT - PROF. DR HAB. WANDA ZMARZER - PROF. DR HAB. ALEKSANDR W. ZUBOW (MIŃSK) - DR HAB. VÁCLAV CVRČEK (PRAGA)
REDAKTORZY TOMU	DR ŁUKASZ KARPIŃSKI DR PIOTR MICHAŁOWSKI
Adres redakcji	- Instytut Komunikacji Specjalistyczne i Interkulturowej WLS UW 02-678 Warszawa, ul. Szturmowa 4 tel. 22 55 34 200 e-mail: ks.kjs@uw.edu.pl Wszystkie prawa zastrzeżone. Wersja papierowa jest wersją pierwotną czasopisma.
Redaktorzy językowi	- Piotr Michałowski - Wojciech Drajercaz
Opracowanie graficzne	- Łukasz Karpiński
Druk	- Zakład Graficzny UW zam. 367/2017 ark. wyd. 12,7 ISSN 2080-3532

ABSTRACTS	5
WSTĘP	11
ROZPRAWY I ARTYKUŁY	
JĘZYKI PIERWSZE, DRUGIE I OBCE W EUROPEJSKIEJ POLITYCE EDUKACYJNEJ	13
<i>HANNA KOMOROWSKA</i>	
POLITYKA NAZEWNICZA A POLITYKA JĘZYKOWA W POLSCE	35
<i>EWA WOLNICZ-PAWŁOWSKA</i>	
TRADYCJA, TŁUMACZENIE CZY TRANSKRYPCJA? O MIKROTOPONI- MACH I ANTROPONIMACH Z PERSPEKTYWY DYDAKTYKI TŁUMACZENIA	61
<i>ANNA SZCZĘŚNY</i>	
«ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ» СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ – СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	79
<i>МИХАИЛ С. ХМЕЛЕВСКИЙ</i>	
SYSTEM NIKOŁAJA ILMINSKIEGO W POLITYCE JĘZYKOWEJ IMPERIUM ROSYJSKIEGO	105
<i>ANDRZEJ WIERZBICKI</i>	
JEDEN JĘZYK, DWIE POLITYKI JĘZYKOWE? ВАСЗЦЫ БУНЖЕВЦЫ НА ТЕРЕНІЕ СЕРБІІ І ВЕЃІЕР	131
<i>ANNA DUDEK</i>	
СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: АСПЕКТ ЕСТЕСТВЕННО-ИСКУССТВЕННОГО ДВУЯЗЫЧИЯ	147
<i>ЕВГЕНИЯ М. КАКЗАНОВА</i> <i>Зоя И. Комарова</i>	
POLSKO-ROSYJSKI SŁOWNIK FRAZEOLÓGICZNY KIRY GIUŁUMIANC JAKO ŹRÓDŁO ORYGINALNYCH PROPOZYCJI PRZEKŁADOWYCH	161
<i>BOGUMIŁ GASEK</i>	
РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ПОСТРОЕНИИ МЕДИА-ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН ВЕРСИИ ГАЗЕТ «ИЗВЕСТИЯ» И «АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ»)	175
<i>JOANNA WASILUK</i>	

ROSYJSKI JEZYK POSPOLITY (ПРОСТОРЕЧИЕ) W KONTEKŚCIE TŁUMACZENIA NA JEZYK POLSKI	189
<i>ANNA GŁOGOWSKA</i>	
DERYWACJA NAZWISK ŻEŃSKICH POCHODZENIA OBCEGO ZA POMOCĄ KOŃCÓWKI -OVÁ WE WSPÓŁCZESNEJ CZESZCZYŹNIE	207
<i>MILENA HEBAL-JEZIERSKA</i>	
FOCUS ON EFFECTIVE FOREIGN LANGUAGE TEACHING OR HOW TO MAKE STUDENTS SPEAK FOREIGN LANGUAGE	219
<i>RENATA BOTWINA, ANNA KIZIŃSKA</i>	
МНИМЫЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ АНАЛОГИИ КАК ИСТОЧНИК ВОЗМОЖНЫХ ОШИБОК В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ ВНУТРИГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛЬСКО-РУССКИХ КОНТАКТОВ)	235
<i>JEWGWIENIJA ŹEJMO</i>	

МИХАИЛ С. ХМЕЛЕВСКИЙ

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия*

«ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ» СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ – СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹⁹

Современная языковая ситуация на территории Украины требует более тщательного лингвистического и социолингвистического изучения, чем уделялось ранее и уделяется в настоящее время. Обращает на себя внимание прежде всего ее уникальность, сложность, теоретическая противоречивость и региональная разнородность. Она осложняется и многими другими факторами, среди которых географический, этнический, культурный, социально-политический и исторический, а также степенью национального самосознания носителей языка.

На формирование современной украинской языковой ситуации оказали влияние многие как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. К первым можно отнести географическое и историческое соседство с близкородственным русским языковым ареалом, взаимовлияние и взаимопроникновение двух языков, соседство с польским языком и его влияние на украинский язык в западных регионах страны, а также сосуществование на юге Украины (в частности в Одессе) формы украинского языка, испытавшей значительное воздействие идиша. Из экстралингвистических факторов можно выделить в первую очередь политический, исторический, этнографический, культурный и ряд других.

¹⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект "Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине" (№ 18-012-00754; шифр ИАС 31.15.69.2018).

Сложность описания современной украинской языковой ситуации состоит в том, что невозможно однозначно говорить о каких бы то ни было универсалиях и делать однозначные выводы касательно всего украинского этнического ареала в целом. Территория современной Украины представляет собой многоликую палитру с языковой, культурной, конфессиональной, исторической и этнографической точек зрения. Украинцы неоднородны по своему менталитету, степени национальной самоидентичности и, как следствие, в выборе того или иного языкового кода для повседневного общения, что обусловлено как региональной самобытностью, так и различным историческим прошлым востока и запада Украины, географическим положением, то есть близостью к российской или европейской культуре.

Целью настоящей статьи является попытка затронуть малоисследованные, но весьма актуальные вопросы современной украинской языковой ситуации, исторически сложившейся к настоящему времени, посмотреть сквозь призму коммуникативных моделей на сферы функционирования различных форм и вариантов украинского языка, проиллюстрировать языковые коды, функционирующие на территории современной Украины в зависимости от региона, социальный статус носителя того или иного языкового кода в зависимости от степени его образованности, региона проживания и национального самосознания.

В понимании термина «языковая ситуация» присутствуют два аспекта: внутренняя дифференциация одного языка («система подсистем») и взаимодействие между собой языков, обслуживающих один и тот же социум [Нещименко 2003: 15], причем первый аспект Г. П. Нещименко относит к моно-, а второй – к полиэтническому социуму. В большинстве случаев это оправдано, однако, может быть, не совсем применимо к украинской языковой ситуации. Несомненно, Украина является полиэтническим социумом. В данной статье мы остановимся на языковых кодах жителей Украины и сфере их функционирования. Моноэтнический украинский социум обслуживается как минимум двумя, а в более широком понимании – тремя языками и множеством языковых кодов, каждый из которых демонстрирует весьма непростую внутреннюю языковую, стилистическую и уров-

невую дифференциацию. При этом соотношения между разными формами языка и подсистемами далеко неоднородны: они варьируются географически, зависят от региона, степени образованности носителей языка и степени национальной самоидентификации (в украинской терминологии *національна свідомість*), возраста, социального положения и понимания языкового престижа, а также регионально обусловленного разделения на «свой» и «чужой» в языковом отношении. Так, к примеру, в смысле вышесказанного язык повседневного общения (или языковой код) Львовской области будет так же отличаться от языка или языкового кода Ивано-Франковской области, как языковая ситуация Киева – от языковой ситуации в южной Украине, городское койне Львова от языка города Одессы, язык Донецка от языка Закарпатья и т.п.

Одна из первых проблем, с которой сталкивается любой, кто занимается украинистикой, – это сосуществование украинского и русского языков, зачастую в языковом портрете одного говорящего, осложненное либо билингвизмом, либо явлением трансплантации клише и штампов из русского языка в украинский текст, либо интерференцией, т.е. полным смешением и неразличением в сознании говорящего двух близкородственных языков – русского и украинского – так называемый субъязык – суржик (см. ниже), а также диалектной раздробленностью, переходными украинско-русскими и украинско-белорусскими говорами, существованием городских койне (Киев, Львов, Одесса). Причем, в силу ряда причин можно говорить о своеобразном понимании украинского билингвизма: русскоязычные украинцы или украинцы, пользующиеся в повседневной коммуникации русско-украинской смесью – суржиком (см. ниже), активно или зачастую даже пассивно владеют литературным украинским языком (за исключением некоторых регионов Восточной и Южной Украины), употребляя его исключительно в официально-деловом общении. С другой стороны, украиноязычные украинцы в той или иной степени, в зависимости от региона, владеют русским языком, но пользуются им при общении с русскими или (но не всегда) оказываясь в обществе русскоязычных украинцев. Кроме того, следует учитывать, что для современной языковой

ситуации релевантным является знание говорящим как советской, так и современной российской культуры, не только элитарной, но и низкосортной, которая в большом количестве вплоть до настоящего времени впитывается широкими массами, что не может не сказаться на языке повседневного общения, степени «разбавленности», или «зараженности» украинской речи вставками, вкраплениями, лексическими и синтаксическими оборотами из русского языка.

Итак, рассмотрим основные формы существования и сосуществования языков и языковых кодов на территории современной Украины.

1.

Русский язык на Украине – в первую очередь – это язык русских, проживающих на ее территории, составляющих около 20% населения [Державний комітет статистики України]. Для большинства родным языком остается русский литературный язык, украинский называют родным лишь 3,8% русских [там же]. В этой связи стоит подчеркнуть тенденцию перехода на украинский язык русских, постоянно проживающих на территории Украины и занятых в сфере культуры, искусства и СМИ. С другой стороны, любопытно, что довольно часто у среднестатистических носителей русского языка (негуманитарного рода деятельности), проживающих на Украине, встречается перенимание некоторых черт украинского языка (в основном на фонетическом уровне), – в первую очередь, это фарингальный украинский *г*, вместо взрывного, искаженная форма вопросительного местоимения и союза *шо* вместо *що* (широко распространенная в суржике), а также некоторые интонационные, лексические и другие особенности.

Как известно, довольно долгое время Правобережная Украина подвергалась сильному влиянию русской культуры, литературы, языка, а также насильственной русификации и ассимиляции (запрет преподавания на украинском, запрет издавать книги, выведение украинского языка из всех сфер официального общения и системы образования). Следствием всех этих процессов явилось снижение степени самоидентификации, приниженная

самооценка при сравнении себя с другими народами (ср. пример из речи информанта: *Мы хохлы, давайте выпьем за нас, за хохлов!* (Николаевская обл.))²⁰, утрата степени престижности украинского языка, порой враждебное отношение к западно-украинской культуре, которая нередко в центральных и южных регионах стереотипно воспринимается как чуждая, чужеродная, «польская», «католическая», «западенская», «бандеровская» и т.п. В этом смысле показательны следующие записи из речи информантов:

Начнут по-своему тараторить – поди разбери! (Николаевская обл.); *Мы их просто ненавидим, их все ненавидят! А за шо? Вышли с батей из поезда во Франковске хлеба в киоске купить, а (далее с презрением) продавец нам только на своем: «Шо бажаєте»? Полное бескультурье! Там же культуры нет!* (г. Николаев).

Приведенные примеры весьма иллюстративно демонстрируют отношение среднестатистического украинца – жителя Юго-Востока – к жителям Западной Украины.

В дополнение к этому приведем цитату из комедии украинского писателя М. Кулиша «Мина Мазайло», написанной в 1929 г., в которой он поднимает тему украинизации, показывая отношение жителей юга Украины к украинскому языку, культуре, истории:

Тьотя Мотя: Бачите, бачите, він (главный герой, радеющий за все украинское, любитель украинского слова) не покохав вас, Улю, як жєницину, ну, як людину, нарешиї. Він у вас шукає тїльки щось українське, він тїльки українського хоче...

²⁰ Здесь и далее приводятся примеры, собранные нами в ходе полевых исследований, проводимых в различных регионах Украины в течение последних 10 лет. Нас интересовала прежде всего неподготовленная, спонтанная речь информантов – представителей различных социальных слоев как наиболее показательная для решения поставленных целей и задач по описанию современной, живой и реальной языковой ситуации на Украине. В настоящей статье мы приводим наиболее иллюстративные примеры из всего собранного нами многочисленного материала, указывая в скобках регион их происхождения, что является крайне важным для анализа всей языковой и экстралингвистической палитры современной Украины.

Мазайлиха: Ви йому потрібна не на коханячко, не на милуваннячко, а тільки на те, щоб робити на вас українці-за-ацію...

Тьотя Мотя: (переход на русский язык) Боже!.. По-моему, прілічнєє бить ізнасілованной, нєжелі українізірованной
[Куліш 2008: 34].

Однако следует отметить, что в последнее время в связи с актуальными политическими событиями, в значительной степени изменившимися отношением жителей Украины к родному языку и культуре, мы наблюдаем рост национального самосознания в обществе (в том числе и в центральных регионах страны), повышение степени престижности украинского языка, переосмысление отношения к национальной культуре, самобытности, истории и роли русского языка. По нашим наблюдениям, в современной Украине мы уже не встретим употребления *хохол* в качестве слова для национальной самоидентификации, которое сегодня окончательно приобрело остро пейоративные коннотации.

Освещая вопрос функционирования русского языка на территории Украины и его использования коренными украинцами в качестве языка для повседневного общения, следует особо сказать о многовековой русификации и ассимиляции, результатом которой явилось русскоязычие восточной и южной части Украины, в первую очередь городского населения. Причем, необходимо отметить, что русскоязычными жителей Юго-Восточной и Центральной Украины можно назвать весьма относительно. В большинстве своем русский язык Юго-Востока Украины несет на себе характерный отпечаток украинского языка, обусловленный смешением двух близкородственных языков, а также языковой небрежностью среднестатистического украинца, которая во многих регионах является характерной для обиходно-разговорного стиля, в рамках языкового и личностного восприятия «свой» – «чужой» воспринимаемого «своим» (в отличие от «чужого» литературного украинского языка или «московского акцента»). Например, к характерным чертам русского языка на Украине можно отнести, в частности, произнесение фарингального *г*,

украинский звук *и* вместо русского *ы*, местоимения и союза *что* – *шо* – из суржика:

Щас на мобильник все входящие бесплатно, а раньше шо было – чёрт знает шо (Харьков); *Ты любишь зелень? – Я шо, корова шо ли?* (Киевская обл.), *бо* – «иначе, потому что»: *Не ешь, бо обедать не дам* (Харьковская обл.), *кто* вместо *кто*, частица *та* вместо *да* или союза *и*: *Та шо ты такое городишь!? Кто тебе это сказал?, Купи хлеб та молока...!* (Полтавская обл.) и др., просторечные формы глаголов – *ложить*, *звонит*, *поклала*, некоторые лексические черты: *А что он в Израиле делал? Работал?* – *Та нііі, ховался, в Москве наворовался, а там вже ховался* (Донецкая обл.), *Он как увидел ее, и давай тикать, як не знаю хто* (Харьковская обл.), *Весь день гасала по городу, та всё зазря* (Полтавская обл.), а также семантические сдвиги у отдельных лексем, не характерные ни для русского, ни для украинского литературных языков: *Я ключи у сумку поставила*, вместо русск. *положила*, укр. *поклала* (частая фиксация – Винницкая, Хмельницкая и др. обл.), *я пошла купаться*, вместо русск. *мыться*, *принимать душ*, укр. *митися* (Полтавская обл.), *О, уже едет рогатый*, т.е. *троллейбус* (Хмельницкая обл.) и т.п.

Причем, многие российские лингвисты указывают на то, что все это «... дает основания исследователю не считать этих людей однородными в языковом отношении с теми, для кого русский язык является родным» [Беликов, Крысин 2001: 44], в этом смысле мы позволим себе выразить мнение, что русский язык, используемый украинцами юго-восточных регионов в обиходно-разговорной сфере общения и в качестве просторечного языкового пласта, можно назвать русским весьма относительно, равно как и тех, кто его использует, – русскоязычными, носителями русского языка. Более того, литературный русский язык и нормированная русская интонация зачастую воспринимаются украинцами, носителями «своего» русского языка, как «московская», «московский акцент», а, следовательно, «чужая»: *Огромное Вам спасибо. – А вы шо, с России шо ли? – Почему вы так решили? –*

Бо у вас какой-то московский акцент (пример типовых диалогов с информантами из Киева, Львова, Одессы), Ты шо, не можешь говорить по-нашему, а не по-московски? (Херсонская обл.).

Украинский язык используется в восточной и южной Украине в основном в сельской местности, причем в основном виде диалектов или суржика. Что касается крупных областных или районных, культурных, промышленных, административных центров (Харьков, Донецк, Луганск и др.), то по большей своей части они русскоязычные в вышеупомянутом понимании этого слова.

С другой стороны, статус литературного украинского языка в Восточной и Южной Украине социально ограничен: это язык творческой интеллигенции, литераторов, поэтов, представителей богемы, а также людей с высокой степенью национальной самоидентификацией (укр. термин – *свідомий українець* – буквально: «сознательный», «убежденный»), незначительного количества чиновников, пользующихся украинским языком в официальном общении, или недавних выходцев из украиноязычных сел, носителей суржика или восточноукраинских диалектов [Доній 2003: 7].

Языковую ситуацию юго-восточного региона дополняет язык Одессы, который может быть назван неким городским койне, которое сформировалось в результате многовекового сосуществования и взаимопроникновения различных культур и языков, в первую очередь, украинского, русского, румынского (молдавского) и идиша. В основе своей это русский язык в его просторечной форме, однако в такой, которая не встречается в России (заметим, что «одесский языковой код» весьма узнаваем и популярен в современной русской культуре и выступает в качестве средства для создания юмористического эффекта). Помимо вышеописанных черт языка русскоязычных украинцев он характеризуется еще более сильной расшатанностью языковых норм (в большей степени грамматических, лексических, интонационных), иногда нарочитой – с целью придачи экспрессии или комического эффекта, но зачастую не осознаваемой говорящим (здесь можно говорить скорее о специфике манеры говорения, чем об определенных языковых моделях):

Мать ребенку: *смотри про ноги* – «смотри не упади»; *Кукуруза, берите, шикарная кукуруза; А ну вылазь з воды, шоб тебя перекосило!* (мать ребенку на пляже); *А этот чиж* (парень) *стоит такой и вдуляет* («медленно соображает»); *Шо-то вы перестали к нам редко заходить; Та он же беременный на всю голову; Не делайте мне нервы!; Шо вы имеете сказать?; Я за нее ничего не знаю* (Одесса, Одесская обл.); *Не делайте мне смешно, я вас умоляю; Моня, а ну, бежи по-быстрому, а то до нас тётя имеет припереться; У вас там шо – эпидемия на живот?* и др. [Смирнов 2002].

Немаловажную роль в становлении самобытности Одессы и ее языка сыграл и тот факт, что это крупный портовый город, – это наложило отпечаток на формирование своеобразного образа одессита как свободного, независимого и в то же время пестующего свою принадлежность к этому городу, что, естественно, отражается и в его речи, точнее – манере изъяснения, способе построения фраз. Здесь оппозиция понятий «свой» и «чужой» будет несколько отличаться от остального юга Украины: с одной стороны, «свой» – т.е. родной, одесский, язык коренных одесситов, тогда как, с другой стороны, «чужой» – это 1) русский, т.е. «московский», 2) украинизированный русский, т.е. деревенский, простонародный, язык приехавших из сельской местности, 3) киевский русский, т.е. столичный, напыщенный, чересчур тенденциозный, 4) литературный украинский, т.е. «львовский», «западенский», «бандеровский», язык далекой по менталитету и укладу жизни среды.

По приведенным выше иллюстративным примерам можно сделать вывод, что само по себе русскоязычие украинцев разнится от региона к региону. Так, русский язык Киева (см. ниже) будет отличаться от русского языка Харькова, русскоязычие Восточной Украины или Одессы от русскоязычия Закарпатья (где мы можем встретить интонационно правильный литературный русский язык как след русской белой эмиграции начала XX века, уезжавшей из России в Европу через Закарпатскую Русь, входившую тогда в состав Чехословакии, часть которой навсегда осела в Ужгороде) и др.

В качестве еще одного показательного примера регионального своеобразия русскоязычного языкового кода может послужить язык Бессарабии, в частности, украинско-русско-молдавского региона в дельте Дуная, у границы с Румынией. Несмотря на то, что жители Измаила и близлежащих городов владеют литературным украинским языком, в основном они пользуются им лишь в официальном дискурсе, тогда как в повседневном непринужденном общении на первый план выходит русский язык, который характеризуется особой коммуникативной манерой, не встречаемой с такой степенью выраженности в других регионах Украины или России. Для местного русского языка характерен своеобразный языковой прием синтагматического повтора, что, судя по результатам наших полевых исследований²¹, можно назвать повсеместно распространенной нормой для данного языкового кода на уровне обиходно-разговорного стиля или просторечия. Сравним следующие примеры, записанные нами в пограничном Килийском районе Одесской области:

Шо ты встала, ну шо ты встала? Не, ну, шо ты тут встала? Галю, ну шо ты мне тут такая встала? Ты ж мне всю музыку загородила...; Шо будем заказывать, шо заказывать будем?; Та он не встанет уже, не встанет. Я сто раз повторяю – он не встанет уже, упал и не встанет!; Люди отдыхать приехали, включи музыку громче. Громче включи, сказала, громче, люди же отдыхать приехали... отдыхать приехали!; Есть хочешь, хочешь есть? и т.п. Отметим, что данная манера говорения подчеркнута в фильмах современного одесского русскоязычного режиссера К. Муратовой (по происхождению из Бессарабии). Их герои – в основном простые люди, прохожие, уличные чудаки, сельские жители – в своей речи используют вышеупомянутый прием повтора, благодаря чему создается их своеобразный языковой портрет, противопоставляющий этих героев образованным

²¹ Собранные материалы в рамках наших полевых исследований на Украине более детально обсуждались и комментировались на филологических конференциях, посвященных живым процессам в современных славянских языках, а также анализировались с различных лингвистических аспектов в: Савченко, Хмелевский 2008, 2016, Урсуленко, Хмелевский 2009, 2011.

городским жителям, использующим в своей речи стандартную русскую литературную норму. Особо выделим здесь такие фильмы, как «Астенический синдром» (1990 г.), «Три истории» (1997 г.), «Настройщик» (2004 г.), «Кукла» (2005 г.): «*А мне наплевать! – А мне наплевать, что вам наплевать! – А мне наплевать, что вам наплевать, что мне наплевать*» (показательный диалог из фильма «Астенический синдром»).

2.

Языковая ситуация в Центральной Украине отчасти схожа с описанной выше в восточных и южных регионах: здесь характерно преобладание русского языка прежде всего в крупных городах (Киев, Чернигов, Днепр и др.), а также центрально-украинских диалектов в сельской местности, переходных украинско-русских говоров на севере (Черниговская, Сумская обл.).

Языковая ситуация в центральных регионах, по сравнению с восточными и южными, в значительной степени дополняется несколькими моментами, в частности: 1) спецификой языковой ситуации Киева, 2) распространением в центральной части Украины такого языкового явления, как суржик.

Суржику как языковому явлению, его природе и сферам функционирования следует уделить особое внимание. Это некий субъязык, или языковой субстрат, образовавшийся в результате интерференции украинского и русского языков. Словарь украинского языка фиксирует у данной лексемы два значения: 1. «Смесь зерна пшеницы и жита, жита и ячменя, ячменя и овса и т.п., мука из такой смеси»; 2. перен., разг. Элементы двух или нескольких языков, искусственно соединенных, без соблюдения норм литературного языка; нечистый язык [Словник української мови 1978]. По аналогии с украинским возникает подобный термин для названия аналогичного языкового явления в современном белорусском языке – *трасянка*: первое значение – «корм, в который добавляют, натрясают солому» [Цыхун 2000: 52], второе – смешение русского и белорусского языков.

Определение «суржик», пожалуй, не имеет аналогов в лингвистической практике, вместе с тем, не существует и единого мнения относительно его природы. Суржик не может быть назван

пиджином, так как пиджины возникают в экстремальной ситуации межэтнических контактов при острой необходимости достичь взаимопонимания (т.е. при контакте двух близкородственных и взаимопонятных языков пиджин возникнуть не может). Сложно отнести суржик и к креольским языкам, так как креольские языки возникают в процессе нативизации пиджина [Мечковская 2001: 164]. Украинский лингвист М. Стриха трактует суржик как промежуточный субъязык, который играет роль переходного этапа в ассимилятивном процессе вытеснения украинского языка русским [Стриха 1998: 637]. Это гибридная смесь русского и украинского языков, возникшая в результате продолжительного контактного двуязычия, вследствие интерференции двух близкородственных языков, когда у говорящего, пользующегося в повседневном общении суржиком, стираются представления о норме обоих языков, нивелируется граница между двумя языками, в результате чего зачастую он становится носителем одного языкового кода – суржика, в конечном итоге не владея активно (но не пассивно) на должном уровне ни одним из литературных языков. Более того, данный языковой код воспринимается им как «свой» (*наш язык, наша мова, говорить по-нашому*), тогда как литературный русский и украинский языки – как «чужие», пренебрежительно называя первый *московська, москальська мова / московський язык*, а второй – *западенський, бандеровський* и даже – *польський*:

Шооо? У Львові говорять на правильному українському??? Та який там правильний?! Це ж натуральний польський, а не український (Полтавская обл.).

Суржик разнороден по своему внутреннему языковому составу. Большая часть грамматики, неполнозначные части речи, синтаксические и интонационные конструкции, фонетика (причем, с сохранением оканья в отличие от вышеописанного русского языка украинцев, где преимущественно встречается аканье) – из украинского, тогда как полнозначная, часто употребительная лексика берется из русского языка, «немотивированно загрязняется заимствованными (вследствие украинско-русской интерференции) русскими элементами» [Масенко 2004: 106]. Это

хаотичное заполнение разрушенных звеньев структуры украинского языка элементами поверхностно усвоенного русского [там же]:

Привіт, як діла вместо: *як справи?*; *Скільки время?* – вместо: *котра година*; *Щось я не пойму* – вместо: *не розумію* (Полтавская обл.); *Ты будеш платить?* – *Підожди минуту* – вместо: *зачекай хвилину* и т.п. (Харьковская обл.).

Причем, пропорции элементов, взятых из обоих языков, в этом субстрате разнятся и зависят от местности, степени начитанности и образования говорящего, социального и других факторов.

Непоследнюю роль играет фактор проникновения в повседневную жизнь массовой российской культуры, желтой прессы, российского шансона, которые в центральных и юго-восточных регионах Украины в количественном отношении значительно превосходят украиноязычный культурный фон. Данная ситуация сохраняется и в настоящее время, однако следует отметить современную тенденцию как в политических кругах, так и среди общественных деятелей и активистов с высокой степенью национального самосознания, направленную на актуализацию украиноязычной культуры и повышение ее статуса и престижа в сознании в современном обществе.

Такое языковое явление, как суржик, не изучалось в советском языкознании, поскольку оно по своей сути противоречило общей теории «гармоничного двуязычия и благотворного влияния русского языка на украинский». Работы, посвященные данному языковому феномену появляются лишь в 90-х годах, который сразу же получил официальное определение как деградированный язык, испорченный, зараженный язык, что, несомненно, накладывает отпечаток на отношение к говорящему на нем и его восприятие в глазах образованной части общества, представителей интеллигенции, людей с высокой степенью национального самосознания, а также украиноязычного населения Западной Украины. Одной из причин характеристики суржика как испорченного, деградированного, постыдного языка является сфера общения, которую он обслуживает: зачастую это

фамильярная, фривольная, пренебрежительная и даже хамская манера изъяснения в основном мещанских слоев общества. Сравним, например, обращения к незнакомому собеседнику – *женичина, мужчина*²² (вместо литературного укр. *пані, пане*).

«Сегодня слово *суржик* стали употреблять в широком понимании – как название деградированного, убогого духовного мира человека, его оторванности от родного, как название мешанины остатков древнего, отеческого с тем чужим, что нивелирует личность, национально-языковое самосознание. Мешаниной двух языков – украинского и русского – говорит часть населения Украины, хотя общеизвестно, что пользоваться смесью двух языков – это одно из тревожнейших явлений общепедагогического характера. Искалеченный язык отупляет человека, сводит его мышление до примитива...». [Антисуржик 1994: 6-7]. Зачастую им пользуются люди, активно не владеющие в совершенстве всеми стилями украинского языка (прежде всего обиходно-разговорным) и литературным русским, суржик в иерархической структуре языка заменяет тем, кто им пользуется, пласт, аналогичный тому, который занимает русское просторечие в русской стилистической градации и который отсутствует в уровневой системе стилей современного украинского языка.

Как любое лингвистическое явление, суржик должен быть описан на основе солидной базы данных – записей образцов соответствующего типа языка, а такая база пока еще отсутствует [Масенко 2004: 108], поэтому какие-либо лингвистические заключения можно делать с большой степенью условности.

Область употребления суржика трудно картографируется, традиционно указывается центральная часть Украины (хотя в действительности его распространение значительно шире), о количестве говорящих на нем называется цифра от 20 до 30%, поскольку нет точного определения этого термина, отсутствуют серьезные исчерпывающие научные работы по его описанию. Причем, его следует отличать от сформированных естественным путем восточных и северных переходных русско-украинских и белорусско-украинских говоров, западных украинско-словацких переходных

²² Здесь – фонетическая запись.

говоров, а также от явления намеренного вкрапления штампов и клише из русского языка в украинскую речь (см. ниже).

Несмотря на различное отношение к суржику как языковому коду части украинского населения, с лингвистической точки зрения, мы можем лишь констатировать факт наличия данного довольно распространенного живого явления в языке. «Фактически суржик наряду с русским языком русскоязычных украинцев и литературным украинским выступает в качестве третьего разговорного языка украинцев» [Труб 2000: 54].

Особо следует остановить внимание на языковой ситуации Киева, которой посвящено немалое количество научных работ и исследований. Как любая столица, культурный, политико-экономический, промышленный центр страны, в языковом плане Киев в некотором роде отличается от других городов Центральной Украины. Степень национальной самоидентификации киевлян достаточно высока, большая часть жителей Киева – украинцев – в совершенстве владеет украинским литературным языком и пользуется им в официальном общении: университетская среда, сфера образования, политика, общественные организации, порой даже сфера общественного питания, транспорт. Приведем пример: русскоязычный диалог двух пассажиров в маршрутке прерывается, один из участников диалога обращается к водителю на украинском: *Зупиніть, будь ласка, на наступній*, далее диалог снова продолжается по-русски. Цель смены языкового кода – придание коммуникации с незнакомым официозности. Данная ситуация довольно характерна и показательна для Киева, где нередко встречается строгое разграничение функциональных сфер использования русского и украинского языков – официальная и обиходно-бытовая. В данном случае пласт непринужденно-разговорной сферы общения (аналог русского просторечия) покрывается русским языком, а в сфере официального общения используется украинский литературный язык. Это характерная, но не универсальная ситуация, поскольку в подобных функциях могут возникать противопоставления: суржик – украинский литературный язык, русский язык – суржик, часто такого противопоставления вообще не возникает, и во всех сферах используется исключительно русский язык или исключительно суржик.

Украинский литературный язык в Киеве, как и в других крупных городах Центральной Украины (помимо рассмотренного выше), – это язык киевской интеллигенции, творческой элиты, преподавателей, образованных людей и обычных городских жителей с высокой степенью национального самосознания. Они пользуются литературным украинским языком не только в официальном, но и в бытовом общении. В этой связи нельзя не отметить современную тенденцию смены языкового кода, т.е. перехода русскоязычных украинцев на литературный язык ввиду актуальных политических и социальных процессов в украинском обществе и, как следствие, роста степени национального самосознания в последние годы.

При этом говорящий на правильном украинском литературном языке в сознании остальных ассоциируется с вышеописанными кругами общества, что также связано с повышением «престижа» украинского языка в Центральных районах Украины, ср. *Вона знає, як правильно по-українськи, – дуже грамотна людина* (Киевская обл.). Русский язык или более того – суржик – воспринимается, наоборот, как язык широких масс, социальных низов, мелкой торговли и т.п. Сравним запись информанта из Полтавской области: *Я ні з ким тут не спілкуюся, про що я буду з сусідами розмовляти? Що це за мова в них – пренебрежительно пародирую – «я його спросила, а він мені отвітів»?* (вместо: *спитала, відповів*). Как следствие подобного социально-функционального расслоения возникает такой психологический факт, что, «общаясь на украинском языке, вы автоматически употребляете «высокий стиль», а когда переходите на русский, то рискуете незаметно опуститься если не до уличного сленга, то до низкого стиля, панибратского» [Забужко 2000: 57]. Таким образом, современное противостояние украинского и русского языков можно трактовать как оппозицию высокого и низкого стиля, элитного языка и просторечия, языка университета, театра, культурно-просветительных мероприятий и языка пивного ларька, забегаловки, подворотни. На формирование подобной ситуации оказал влияние и тот факт, что элитарное искусство, культура, современная литература создается на украинском языке, это язык политической элиты, на нем ведется преподавание в вузах и школах, это государственный язык

страны. Русский же – в силу ряда объективных причин (общественных, социальных, политических и исторических) – стал на Украине языком бытового общения, языком рынка, на русском языке поступают из России третьесортные печатные издания, низкокачественная кинопродукция, желтая пресса, поп-культура, шансон и т.п. Однако стоит обратить внимание на то, что влияние современной элитарной украинской культуры на массы довольно мало по сравнению с масштабным воздействием русскоязычной массовой культуры, во много раз превосходящей первую в количественном отношении, тогда как потребителем современной элитарной украинской культуры остается все та же украиноязычная интеллигенция.

3.

Западная Украина, как упоминалось выше, зачастую ошибочно и стереотипно воспринимается украинцами из восточных, южных и частично центральных регионов страны как полонизированная, диалектная, чуждая, т.е. «не своя Украина». В действительности это регион, где живет и функционирует во всех сферах общения украинский язык, максимально приближенный к литературному, точнее – разговорный вариант литературного языка (в том числе, в крупных городах, административных, экономических и культурных центрах). Однако и о данном регионе также стоит говорить с довольно большим количеством оговорок. Языковая ситуация Западной Украины осложнена 1) диалектной раздробленностью – в основном у жителей сельской местности или выходцев из деревень, 2) суржигом с большей степенью присутствия украинских элементов, 3) львовским койне (*львівська говірка*), 4) особой функцией русского языка, заменяющего просторечие или жаргон в речи носителей литературного украинского языка.

Остановим наше внимание на двух последних. Что касается языка Львова, это довольно сложный, многоаспектный и малоисследованный вопрос. Львов как культурный, административный, промышленный и военный центр запада Украины населен достаточно разнородно: коренные львовяне, украинцы из западных,

центральных, восточных регионов, русские (часто – бывшие военные), поляки. Пестрота населения Львова отражается прежде всего в городской языковой ситуации, где можно встретить как чистый украинский язык (в первую очередь у представителей интеллигенции, высокообразованных слоев общества), так и насыщенную вкраплениями штампов из русского украинскую речь, а также западноукраинские диалекты (у выходцев из других регионов Западной Украины), львовское койне (преимущественно у старшего поколения коренных жителей Львова), реже суржик (у работников мелкой торговли, сферы обслуживания, у приезжих), а также русский язык. Здесь смена языкового кода довольно редка, пользующийся литературным украинским языком может перейти на русский или польский языки (которыми он владеет в разной степени активности), желая быть понятым русскоязычным или польскоязычным собеседником, но никогда в общении с носителем суржика или львовского койне. С другой стороны, например, носитель львовского койне (за исключением ситуаций в сфере образования) не сменит свой языковой код, желая намеренно оставаться «своим» среди своих, т.е. коренных жителей Львова, подчеркивая свою принадлежность к «своим», поскольку степень престижности львовского койне достаточно высока среди его носителей. Носитель суржика в его западноукраинском варианте в непринужденном общении не сможет сменить языковой код и перейти на литературный украинский язык, поскольку он не владеет его обиходно-разговорным стилем и просторечным вариантом, столь необходимым для той сферы коммуникации, которая является естественной для носителя суржика (рынок, кафе, уличная торговля, пивные, сфера обслуживания и т.п.), а также не сможет перейти на львовское койне или русский язык в общении с их носителями, поскольку активно не владеет ни первым, ни вторым. Этим языковая ситуация Львова и большей части Западной Украины отличается от остальных украинских регионов, где в основном присутствует билингвизм, и смена языкового кода в зависимости от коммуникативной ситуации и сферы общения обычна и вполне естественна. Язык Львова, т.е. городское койне представляет собой любопытное, с лингвистической точки зрения, языковое образование,

базой которого является западноукраинский интердиалект со значительным количеством полонизмов (*кулежанка, кобіта, бабуця, цьотка, кнайпа, ровер, імпреза, гербата* и др., а также экспрессивная лексика и ругательства: *хулера ясна, до хулери, ясна дупа, мати (кого) в носі* и т.п.). Он также характеризуется своеобразными фонетическими чертами: интонация, замена литературной фонемы – мягкого *с'* на мягкий *ш'*: *Дякую гарно, я ш'а дуже тишу, коли ш'уда повернуи'* (Львов), форма местоимения *все – виш'о, не* вместо *ні*, перенос возвратной частицы *ся* к началу синтагмы: *я ся насолоджую запашною кавою, він ся закохав до Галі, за рік вони ся одружили* (Львов) и формы образования будущего времени типа – *буду платив, буду писав* (черта, встречаемая и в других западных диалектах) вместо литературного с инфинитивом *буду платити, буду писати* или книжной формы *платитиму, писатиму*, формы императива *най йому добро буде* вместо литературного *хай/нехай* и многие другие. На львовском койне создается современная литература, в основном стилистически и территориально маркированная, львовское койне в литературе – признак соотнесенности описываемых реалий к Львову.

Языковое многообразие Львова противостоит относительной моноглоссии других регионов Западной Украины. В Ивано-Франковске, Тернополе и других областных и районных городах, удаленных от центров, сохраняется использование стандартного украинского языка как в официальном, так и в бытовом, непринужденном общении. Национальная самоидентификация здесь максимально высока: самоназвание «хохол» воспринимается как унижающее национальное достоинство и гордость. Причем восприятие остальной Украины (включая Центральную Украину и Киев) у западных украинцев диаметрально противоположно восприятию юго-восточных украинцев западных, которое было описано выше: это настороженное и часто пренебрежительное отношение как к «забывшим исконные традиции, веру, язык», «москали» – название западными украинцами русскоязычных украинцев, жителей Киева: *Львів дуже культурне місто. А у Херсоні ніхто тобі ні «дякую», ні «будь ласка» не скаже, навколо одне хамство* (Львов); *Як я дуже люблю Різдво, це найкраще свято у Львові. Це наша традиція. А у Києві тільки*

й знають свій (с пренебрежением, подражая русскому языку) – Новый год. Це ж для них – перший празник! (Львов). Ми місяц були у Києві, так ми ту жіночку у бібліотеці за місяц вже дістали, бо ми з нею тільки українською розмовляли, а вона все на російську намагалася з нами перейти. А ми – ні, хай знає, що справжні українці до Києва приїхали. (Львов).

Заслуживает особого рассмотрения вопрос функционирования русского языка в речи украиноязычных украинцев, в рамках которого можно выделить три аспекта: 1) вкрапления калек, штампов, языковых клише из русского языка в украинской речи, 2) переход на русский язык украиноязычных украинцев, 3) ирония, ерничество, сарказм.

Первое представляет интерес для тех, кто занимается коммуникативной лингвистикой. Подобное явление может быть объяснено проблемой недостаточной разработанности украинского разговорного, обиходного языка, украинского просторечия, книжностью литературного языка и даже некой ущербностью языка в непринужденном повседневном общении, что отмечает украинская социолингвист Л. Т. Масенко [Масенко 2004: 108]. Именно в этой сфере функционирования языка высока потребность в экспрессивных элементах, интертекстах, цитации из массовой культуры – фильмы, популярная музыка, классическая и массовая литература, рекламные ролики, языковые штампы, обыгрывание языковых клише и цитат, нецензурная лексика. Недостаточная развитость этого культурного слоя в сопоставлении с русским (как современным, так и языком советского периода) препятствует развитию украинского просторечия, обиходно-разговорной подсистемы украинского языка. «...Категория просторечия относится с городским нормам функционирования языка, а как раз эти формы в украинском языке функционируют неполноценно... Хотя толковый словарь украинского языка и дает определение категории просторечия, оно осталось за пределами украинской лексикографической практики. Помета «просторечное» касательно украинской лексики отсутствует и в самом толковом словаре, и в переводных русско-украинских словарях, где часто русской помете «просторечное» в украинской части соответствуют – «разговорное», «фамильярное», «вульгарное» и т.п.» [Масенко 2004: 108].

Роль обиходно-разговорного языка и просторечия в разных регионах Украины выполняют различные языки или языковые коды: в восточных и южных областях – это русский язык с украинскими элементами в Одессе – одесское городское просторечие, в центральных регионах, включая Киев, – русский язык с характерной украинской интонацией или суржик, тогда как в западных областях роль просторечия, обиходно-разговорного языка, жаргона выполняет украинская речь, намеренно насыщаемая элементами, вставками, трансплантатами из российской массовой культуры (во Львове в этой роли может выступать городское койне) [Савченко, Хмелевский 2016: 420]. В данном случае, как нам представляется, подобное явление в языке следует отличать от суржика, поскольку речь идет не о спонтанном смешении двух близкородственных языков, а о намеренных вкраплениях русских клише и штампов (включая пейоративную лексику) для создания юмористического эффекта, сарказма, непринужденности и вольности общения на обиходно-разговорном уровне.

Элементы, которые вставляются из русского языка в живую, спонтанную украинскую речь, можно классифицировать следующим образом:

- 1) языковые клише: *короче, що він тобі сказав? – Короче, дело к ночи, я йому подзвонила...; І як це називається? – Мені так здається, що в нього минутная слабость; а я кажу, будь ласка, какие проблемы? Заходь!; Коли ви собі так вирішили – вперёд!;*
- 2) штампы из российской массовой культуры или классической литературы: *А що кава подорожчала? – Перепрошую, де там подорожчала, вже сто лет (языковой штамп) як 5,50. – Добре, нет, мы не плачем и не рыдаем, дайте, будь ласка, дві розчинні (искаженная фраза из песни популярного фильма «Двенадцать стульев», 1976 г.); А то в нас прем'єр тільки подивиться і все, кончен бал, погасли свечи (искаженная фраза из стихотворения А. С. Пушкина); Ой, хто це йде? Зараз вам буде – гуляй губерния! (искаженная фраза из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя), Зачекай, куди ти пійшов? Мені ще треба гроші поміняти! Постой паровоз!... Не стучите колеса! (фраза из песни популярной советской кинокомедии «Операция Ы»,*

1965 г.); *О, подивіться, вже йдуть: це ж братья наши меньшие!* (в шутку о милиционерах – фраза-клише, укоренившаяся в русском языке в XX веке для метафорического ласкового названия животных); *Зробіть нам, будь ласка, дві кави. – Зараз Бодя прийде та зробіть, бо я вже – ви ж бачите, Пане – никакая (языковой штамп), як в тумане (штамп), я вже як той ёжик в тумане!* (название популярного детского мультфильма «Ежик в тумане», 1975 г.);

- 3) нецензурная лексика, обороты: *У мене таке враження скла-лося, що моя тьоца трошкі хуйнїй страдаєт;*
- 4) неполнозначные, вводные слова и слова-паразиты: *тоже, вообще, это самое; ну, конечно, це ж таке життя; я брехнею не займаюся, я тїлькі так... я ж просто, я ж вообще!* (все вышеприведенные примеры записаны в разных регионах Западной Украины).

Отдельные слова, вставленные в украинскую речь из русского языка, могут приобретать новое значение, стилистическое наполнение и «жить» в языке или как постоянные эпитеты: *Зараз прийдуть "таварищи" і Вам скажуть, що це все неправда* (в украинском языке или его вариантах слово «таварищ» используется, помимо основного значения, для ироничного или саркастичного наименования коммунистов), или как спонтанные речевые средства: *Зачекай, я в кармані подивлюся. – Українською не «карман», а кишенья! – Та яка це вам кишенья? На такому драному одягу одні карманы* – здесь игра слов в рамках русско-украинского двуязычия информанта: русск. карман, укр. кишенья (Тернополь).

Однако данное явление несет в себе социолингвистический маркер – интеллигенция, образованные, начитанные слои населения, владеющие в совершенстве не только украинским литературным языком, но различными его стилями, включая разговорно-бытовую форму, потребители современной элитарной украинской культуры без ущерба для экспрессии и колорита своей речи в ред-ких случаях трансплантируют штампы из русского языка.

Что же касается второго явления – осознанного ситуативного перехода украиноязычного говорящего на русский язык (в рамках билингвизма), то оно встречается не часто, но встречается, по нашим наблюдениям, у разного рода молодежи Западной Украины – от реперов, панков, асоциальных типов до студентов и выполняет функцию арго, жаргона, студенческого сленга, блатного языкового кода, является признаком принадлежности к определенной группировке. Здесь русский язык у украиноязычных украинцев является маркером «своего» члена неформального молодежного сообщества и противопоставляет его «чужому», т.е. говорящему на родном украинском языке вне данного закрытого коллектива, объединенного общими интересами или манерой поведения (напр., музыкальный стиль, мотоциклы, наркотические средства и т.п.). В этом смысле показательны ситуации, которые мы неоднократно наблюдали в ходе наших полевых исследований на Западной Украине (Львов, Дрогобыч, Тернополь, Черновцы), когда молодые люди в общении с девушками пользовались родным украинским языком, а, оставаясь наедине и разговаривая о «своем», по-мужски, осознано переходили на неродной русский язык.

С этой точки зрения, иллюстративна функция русского языка в современной украинской литературе, отражающей общее состояние жизни русского языка в украиноязычном социуме. Показательными являются произведения известного современного писателя Ю. Андруховича, мастера игры с различными формами бытования языка современных украинцев и различными языковыми кодами. Язык, на котором говорят герои произведений Ю. Андруховича, является своеобразным маркером среды, из которой они происходят: например, русские вкрапления в украинский язык встречаются в речи проституток, ночного наркомана, на русском языке говорит десантник, король рэкета в кабаке и т.п. [Андрухович 2005: 136].

Описание данного языкового явления можно дополнить высказыванием современной украинской поэтессы О. Забужко, ценителя живого украинского слова, по поводу высказывания украинского писателя: «В начале нашего столетия Владимир Винниченко полушутя-полусерьезно заметил, что за судьбу украинского языка

он будет совершенно спокоен только тогда, когда на нем заговорит криминальный мир – когда где-нибудь в темном закоулке ночью его остановит, блеснув на фоне фонаря ножичком, пьяное мурло и “чистісінькою українською гавкне: "Руки вгору! В якій кишені гаманець?" (в каком кармане кошелек), или приблизится женщина легкого поведения и, заманиво улыбаясь, скажет что-то типа: "Сумуєш, котику? Може, підемо?"» [Забужко 1999: 340]. Фраза как нельзя точно и красочно отражает современную языковую ситуацию Украины с точки зрения вышеописанной проблематики. Действительно, сложно представить себе подобную “чистісіньку українську” из уст первого либо второго представителя криминального мира из цитаты даже в западных украиноязычных регионах.

Итак, нами были затронуты лишь некоторые вопросы современной украинской языковой ситуации в ее коммуникативном, социолингвистическом, географическом и политическом аспектах. Их решение требует долгих и кропотливых исследований, прежде всего живой речи современных украинцев, столь богатой, метафоричной, колоритной, образной в языковом и культурологическом отношении, в которой в настоящее время происходят самые динамичные лингвистические и экстралингвистические процессы.

Литература:

- Андрухович Ю., 2005**, *Рекреації*, Львов, 2005, с. 136.
- Антисуржик. Под редакцией А. Сербенської, 1994**, Львов, с. 6-7.
- Беликов В. И., Крысин Л. П., 2001**, *Социолінгвістика*, Москва
- Державний комітет статистики України**, <http://www.ukrstat.gov.ua>.
- Доній О., 2003**, *Хай живе суржик!*, [в:] *Критика* – 9, Киев, с. 7.
- Забужко О., 1999**, *Хроніки від Фортінбраса*, Киев, 1999, с. 340.
- Забужко О., 2000**, *Подорожуємо Інтернетом*, Львов, с. 57.
- Куліш М., 2008**, *Мина Мазайло*, Киев, с. 34.
- Масенко Л., 2004**, *Мова і суспільство. Постколоніальний вимір*, Киев, с. 106.
- Мечковская Н. Б., 2001**, *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков*, Москва, с. 164.
- Нещименко Г. П., 2003**, *Языковая ситуация в славянских странах*, Москва, с. 15 и сл.
- Савченко А. В., Хмелевский М. С., 2008**, «Здравеньки були!», или к вопросу о лексической трансплантации (русско-украинские параллели в национально-культурном дискурсе), [в:] *Материалы международной научно-практической конференции к юбилею д.ф.н. проф. А. М. Мелерович*, Москва – Кострома, с. 615.
- Савченко А. В., Хмелевский М. С., 2016**, *Русский текст в украинском разговорном языке*, [в:] *Студії з філології та журналістики*, Ужгород, с. 420.
- Словник української мови, 1978**, Киев.
- Смирнов В. 2002**, *Большой полу-Толковый словарь одесского языка*, Одесса.
- Стріха М., 1998**, *Суржик та літературна мова*, [в:] *Нариси української популярної культури*, Киев, с. 637.
- Цыхун Г., 2000**, *Крээлізаваны прадукт Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання*, [в:] *Arche. Пачаток*. Ч. 6. Минск, с. 52.
- Труб В., 2000**, *Явище «суржик» як форма просторіччя в ситуації двомовності*, [в:] *„Мовознавство”*, №1, Киев, с. 54.
- Урсуленко А. В., Хмелевский М. С., 2009**, *Функционирование русского языка в украинском контексте*, [в:] *Сборник статей конференции «Славянское языкознание» ко дню славянской письменности*, Коломна, с. 45.

Урсуленко А. В., Хмелевский М. С., 2011, *Современная языковая ситуация на территории Украины (коммуникативный аспект)*, [в:] *Субстандартные варианты славянских языков*, Франкфурт-на-Майне, с. 318.

„Portret językowy” współczesnej Ukrainy – aspekt socjolingwistyczny

Niniejszy artykuł przedstawia sytuację językową we współczesnej Ukrainie, która jest rezultatem różnych procesów historycznych, społecznych i kulturowych w społeczeństwie ukraińskim. Omawiane jest funkcjonowanie różnych kodów językowych w zależności od regionu kraju na tle opozycji swój – obcy. Sytuacja językowa Ukrainy jest unikatowa ze względu na współistnienie kilku języków, zjawisko przełączania kodów językowych, tradycyjny bilingwizm oraz wpływy zewnętrzne. Kwestie te są stosunkowo słabo opisane w literaturze naukowej, więc dla osiągnięcia maksymalnego obiektywizmu prezentowane wnioski są ilustrowane przykładami zebranymi przez autora podczas badań terenowych w różnych regionach Ukrainy. Przedstawiony w artykule „portret językowy” współczesnej Ukrainy stanowi rezultat wieloletnich obserwacji lingwistycznych żywego języka Ukraińców i nie ma podłoża politycznego ani nacjonalistycznego.